

ИСТОРИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Э.М. Спирова

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.8.12426

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Статья посвящена историко-философскому анализу насущной темы философии культуры из-учению антропологического измерения культуры. Многие культурфилософы, следуя традиции М. Шелера, который представил внушительный реестр образов человека, как они выявлялись в ходе философско-антропологической экспертизы. В 1984 году во Франции вышла книга известного французского социолога А. Жакара «Изобрести человека» (Jacquard A. *Inventer l'homme*. P., 1984.). Он был убежден в том, что успехи науки позволяют отказаться от традиционной модели человека, поскольку дают возможность его пересотворить, создать по новым лекалам. Сходный проект был придуман еще раньше, в 1972 году. Правда, речь в нём шла не о преобразении человека с помощью новейших технологий. Его автор — Марсель Боль де Баль — профессор Свободного университета в Брюсселе, автор множества статей и ряда книг по философии культуры. Этот исследователь задумался, каким станет образ европейца в результате обычной культурной эволюции через четверть века. Автор использует исторический метод, позволяющий рассмотреть основные тенденции европейского культурного развития. Он применяет также методологию анализа культурной динамики. В ряде случаев автор статьи обращается к методологии философско-антропологического постижения проблемы.

Новизна замысла заключается в постановке вопроса об антропологическом измерении культуры с учётом современных подходов к проблеме. Статья содержит критический анализ концепции Марселя Боль де Балья, показывает иллюзорность такого рода экспертиз, соотнесённых с плавным общественным развитием культуры. Французскому исследователю было трудно угадать, какой станет Европа в конце XX века. Однако в его работе есть продуктивные мысли о самих механизмах культуры и возможностях ее типологизации.

Ключевые слова: культура, человек, образ человека, социокультурные проекты, европеец, общество, перманентные изменения, манипулирование, тревога, предсказание.

Марсель Боль де Баль — профессор Свободного университета в Брюсселе, ему принадлежат книги по философии культуры и индустриальной социологии. Его исследование посвящено образу европейца, каким он может стать в конце XX в.¹ В своей статье «Европеец 2000 г.: идеальный социокультурный проект», представляющей попытку прогнозирования, выстраивается социокультурный

проект европейца в 2000 г. Однако проектируемый образ, подчеркивает автор, должен строиться с учётом «как идеального, так и реального образов... Речь идет о том, чтобы, основываясь на образах «человека 2000 г.», которые могут предложить гуманитарные науки, наметить «образ человека» (европейца) в 2000 г. — идеальный, необходимый и возможный — и превратить этот образ в социокультурный проект, т.е. в руководство для действий, предпринимаемых уже сегодня»².

¹ Bolle de Bal M. L. *Europeen de l'an 2000: d'une image ideale a un projet socio-culturel*. — In: *L'Europe en l'an 2000*. Paris, 1972. P. 235–260.

² Ibid. P. 236.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 14-03-00350а
«Культура как кризис – неудача или возможность?»)

Определяя предмет и критерии исследования, М. Боль де Баль прежде всего уточнял, что, идет ли речь об «образе человека» в 2000 году или же о некоем новом образе «человека 2000 года», в любом случае вернее было бы говорить не об образе, а об образах человека, о нескольких типах человека или представлениях о человеке, обусловленных различием критериев. С одной стороны, такой подход оправдан, ведь, как считает автор исследования, европейская действительность в силу предлагаемых ею механизмов социализации и многообразия культурных проектов не может продуцировать один образ человека. Наверняка, полагал исследователь, можно говорить о нескольких образах.

Однако этот подход в исследовании не продуман всесторонне. В отечественной философии об этом уже говорилось в связи с книгой А. Жакара «Изобрести человека»³. Еще не получили развитие информационные технологии, не было разговоров о клонировании живого существа, не обозначилась идея «деантропологизации человека» или его дебиологизации, но Жакар не выразил даже минимального скепсиса относительно реальных возможностей радикального преобразования человека. Название его книги «Изобрести человека» само свидетельствует о том, что речь идет не о реальных тенденциях изменения человеческой природы. Социолог был убежден в том, что грядущий образ следует придумать, обосновать и только потом приступить к его реализации.

Сама идея «обновить» человека не является неожиданной, недопустимой. Издавна человеческая природа рассматривалась как приуроченная к трансформации. Человеческая природа пластична. Но это понятие на самом деле в истории философской антропологии обретало неодинаковое содержание. Разнообразие толкований человеческой природы как раз и подготовило вывод постмодернистской рефлексии о нулевом содержании этого понятия. Как утверждал, к примеру, Х. Ортега-и-Гассет, у человека нет природы, у него есть только история⁴. Действительно, идея пересотренивания человека в истории философии не рассматривалась как скандальная, напротив, она получала различные трактовки. Уже в мистической духовной традиции приводились доводы, которые настоятельно предполагали улучшение человеческой природы.

В каббалистической антропологии человек наделен космической ролью, которую он выполняет в этом мире. Всякое действие человека оказывает влияние на невидимые миры и, в зависимости от своего характера, притягивает к себе либо благословение и освящение с правой стороны, либо зло и нечистоту — с левой. Н.А. Бердяев считал, что в Каббале выражена настоящая теософия. Каббала создает учение о Небесном Адаме. Человек, — говорится в «Зоаре», — есть и итог, и высшая точка творения. Поэтому он сотворен в седьмой день. Как только появился человек, всё было закончено, и мир высший, и мир низший, потому что все соединено в человеке, он соединяет все формы. Древние гностики считали человека сверхприродным субъектом и вынашивали различные проекты его допустимой, нередко радикальной трансформации.

«Концепция Жакара вызвала критику со стороны другого видного французского социолога Ж. Эллюля. Он отмечал: все теперь можно, чтобы сфабриковать человека, которого мы захотим. Но именно в этом пункте книга Жакара кажется мудрой и нужно воспринимать ее скорее как предупреждение, нежели великолепное открытие. К счастью, сам Жакар весьма осторожен: мы можем с помощью генной инженерии сделать многое, но куда нам следует идти? Может быть, с дебильной настойчивостью спускать с конвейера сотню Эйнштейнов? Где путеводная нить и пределы человеческого суждения? Как бы далеко мы не пошли за ответами, вопрошание, сомнение не покинут нас»⁵.

Да, действительно наше знание не располагает в том же измерении, что и наши сомнения, продолжает эту тему П.С. Гуревич. «Грандиозный опыт генной инженерии наталкивается на гигантское препятствие и никто не способен ответить на простой вопрос: какого именно человека мы хотим изобрести? Прежде всего, умного? Прежде всего, религиозного? Образцово мышечного? Физиологически прекрасно уравновешенного? Альтруиста? Эгоиста? Прекрасно интегрированного в коллективе? Весьма восприимчивого к красоте? Вооруженного критическим мышлением, что предполагает автономность личности? Склонного к медитации или неутомимо деятельного? Тянущегося к трансценденции или укорененного в имманенции? Прочно обосновавшегося в здравом смысле или

³ Jacquard A. *Inventer L'home*. P., 1984.

⁴ Ортега-и-Гассет Х. *История как система*. М., 2008. С. 235.

⁵ См. об этом: Гуревич П.С. *Философское толкование человека*. М., 2012. С. 13.

творческого полубезумца? Отдающему дань «игре в бисер» или раблезианского жизнелюбца?»⁶.

М. Боль де Баль, автор исследования о европейце 2000 года, столкнулся с этими проблемами. Он выдвинул три основных подхода. Первый — моральный, при котором человек рассматривается как модель, сформированная на основе определенной системы ценностей; так конструируется идеальный образ человека, каким он должен быть (или должен бы быть), чтобы соответствовать нравственным нормам. Второй — антропологический, при котором человек рассматривается как данность, сформированная в ходе исторического развития; в этом случае образ человека выводится на основе теорий и наблюдений исследователя. И, наконец, третий подход, который автор называет социокультурным проектом. Он рассматривает человека в качестве «модели, сформированной на основе анализа фактов, их вероятной эволюции и тех возможностей свободы, которые эта эволюция оставляет человеку»; речь идет об образе человека, «каким он должен стать или каким ему следует помочь стать, исходя из объективных социальных законов»⁷.

Для этого, считал автор, необходимо первым делом определить те социокультурные рамки, в которые должен быть включен разрабатываемый проект. В соответствии с классификацией, принятой на VI Всемирном социологическом конгрессе в Эвиане (1966), автор выделяет пять «типов культуры»: «культура осуществления» (*culture de l'accomplissement*) — Азия; «культура настоящего момента» (Полинезия, индейцы); «культура не от мира сего» (*transmondaine*), для которой характерно презрение к «земной деятельности, к науке и технике (примером может служить традиционная Испания); «культура участия в строительстве общества» (социалистические страны); «культура выбора» (западные индустриальные страны).

При всей условности этой типологии она представляет определенный интерес, поскольку исходит из правомерной установки — идеи форумности культур. Все культуры, несмотря на специфику, имеют право не только на существование, но и на равнопредставленность в мировой культуре. Восточная культура опирается на такие понятия, ко-

торые нелегко совмещаются в сознании европейца: иерархия и гармония. Для западного человека иерархия, разумеется, позволяет создать некое подобие порядка, но она вряд ли может обеспечить согласие. Ведь европейцу приходится выполнять волю руководителя. Стало быть, до гармонии далеко. Можно говорить лишь о скоординированных действиях.

«Столь же иным окажется и для европейца и, скажем, для японца понятие равенства. В европейском сознании люди рождаются равными и поэтому имеют право ощущать себя равными внутри общества. Для китайца или японца равенство не всеобщий принцип, а возможность оказаться с кем-то на одной ступеньке организации. Равенство обнаруживается только в том смысле, что два маршала или два сержанта могут быть равными, поскольку находятся на одном уровне иерархических ступеней»⁸.

В отличие от европейцев китайцы и японцы постоянно отождествляют себя с какой-то группой. Это может быть семья, фирмы, профессиональный союз. Поэтому они имеют стойкий навык действовать сообща, но при этом неизменно помнить о своем положении. Европейец, наоборот, приучен к самостоятельности, он пытается оторваться от группы, возвыситься над ней, перейти в другую группу. Для восточного человека ценностью обладает не самостоятельность или отделенность, а, напротив, причастность к чему-то. Это то самое чувство, которое испытывает человек, поющий в ходе или шагающий в строю⁹.

Ввиду обилия переменных величин, которые могут вступить в игру, М. Боль де Баль считал невозможным точно предсказать, каковы будут «социокультурные рамки» Европы конца XX века. Однако он считал, что если исходить из того, что за этот период не произойдет ни тотальной войны, ни «необратимого» и внезапного краха существующих обществ (вследствие экономического, социального или биологического кризиса), то можно предположить, что Европа 2000 г. будет выглядеть следующим образом: в социальном плане — социал-технократическое общество, в котором усилится как всеобщая социальная взаимозависимость, так и власть специалистов; в политическом

⁶ Там же. С. 13–14.

⁷ Bolle de Bal M. L. *Europeen de l'an 2000: d'une image ideale a un projet socio-culturel.* — In: *L'Europe en l'an 2000.* Paris, 1972. P. 235–260.

⁸ Гуревич П.С., Палеева Н.Н. *Философия культуры.* М., 2014. С. 301.

⁹ См.: Овчинников Всеволод. *Выход на Восток // Популярная психология.* 2004. № 3. С. 21.

плане — федерация, простирающаяся от Атлантики до Урала; в культурном плане — единое и в то же время плюралистическое общество, т.е. по сути своей диалектическое, «стремящееся утвердить единство и специфику «Великой Европы» перед лицом двух других «Великих» 2000 г. — Америки и Азии»¹⁰.

Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению этой гипотезы и вытекающих из неё последствий, М. Боль де Баль считал нужным уточнить свою методологию. Его исследование делится на три этапа: 1) прогнозирование, т.е. определение дальнейшей эволюции образа человека на основе нынешней ситуации, предсказаний или экстраполяции существующих тенденций. Это позволит, как он считал, наметить вероятные варианты образа и установить границы образа-проекта; 2) рассмотрение проблематики, т.е. перечисление проблем, формулирование альтернатив и уточнение условий выбора. Это позволит выявить структуры образа-проекта; 3) прагматический этап: речь идет о том, чтобы предложить организациям, занимающимся планированием Европы 2000 г., образ-проект, на который они смогут ориентироваться при разработке программ и стратегических альтернатив.

Это предполагает «этический выбор» (идеальный образ), который будет предложен с максимальным учетом объективных данных. Следует помнить, что футурологические и социологические исследования сами по себе являются фактором воздействия на человека и его будущее. В современной социологии этот феномен получил название созидającego или «ускоряющего» предсказания (prediction great-rise ou acceleratrice): «люди становятся такими, какими мы их видим, в частности уподобляются образу человека, который дает социология»¹¹.

Что же представляет собой этот образ? По мере того как эра философии сменяется эрой социологии, образ человека становится менее идеальным, более конкретным, более научным и массовым. Вместе с тем он утрачивает четкость, законченность, стабильность, целостность, черты его — переменчивые, податливые и «полиморфные» — все больше размываются. В конечном счете это приве-

ло к тому, что «мы потеряли свой образ»¹², — считал Боль де Баль.

Утрата образа — действительно стала в начале XXI века актуальной темой. Например, известный философ Юрген Хабермас размышляет о том, что сама идея европейской идентичности — вечный сюжет европейской философии. Но чем характеризуется духовный облик Европы? Речь идет не о географическом, пространственном понятии, как если бы всю совокупность людей, обитающих на данной территории, можно было охватить в понятии европейского человечества. В духовном смысле к Европе относились английские доминионы, Соединенные Штаты, но не эскимосы или индейцы, и не цыгане, длительное время странствующие по всей Европе¹³.

Несомненно, что название «Европа» обозначает общность жизни и творческой деятельности, включая цели, интересы, заботы, тревоги, планы, институты, учреждения. Внутри этой общности отдельные люди действуют на разных уровнях в разнообразных социальных группах, семьях, родах, нациях. Они тесно связаны духовно. Так рождается некий связующий характер культуры.

Но почему сегодня эта проблема оказывается особенно актуальной? Какие события мировой истории заставляют вновь вернуться к этой теме? Известный немецкий философ Юрген Хабермас усматривает в европейской идентичности некое коварство. О чём речь?

Когда люди объединяются, это вовсе не означает, что так надо. Нередко слияние стран или народов оказывается необязательным или попросту ложным. С этой точки зрения насколько адекватен образ мирной Европы, которая позиционирует себя как открытую для других культур, как способную к диалогу?

Тем не менее, М. Боль де Баль обнаруживал два основных типа образов, соответствующих двум ведущим направлениям современной социологии. Первое, структурно-функциональное, анализирует структуры и функции, ситуации и системы, их взаимозависимость и факторы стабильности, «короче, то, что существует и почему оно существует»¹⁴.

¹⁰ Bolle de Bal M. L. Europeen de l'an 2000: d'une image ideale a un projet socio-culturel. — In: L'Europe en Pan 2000. Paris, 1972. P. 237.

¹¹ Ibid. P. 238.

¹² Ibid. P. 239.

¹³ Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008.

¹⁴ Bolle de Bal M. L. Europeen de l'an 2000: d'une image ideale a un projet socio-culturel. — In: L'Europe en Pan 2000. Paris, 1972. P. 239.

Это эмпирическое направление (основной метод — опрос общественного мнения), вышедшее из американской социологии, находится в русле сократовской традиции: оно зиждется на убеждении, что все может быть рационально объяснено и что исследователь должен подчиняться действительности; подобная позиция ведет к различным вариантам «скептического реализма, консерватизма и научного позитивизма»¹⁵.

Второе направление, которое автор называет «диалектико-активистским» (dialectico-actionnaliste), анализирует движения и изменения, противоречия и проекты, факторы неустойчивости и новаций. Являясь «научным наследником» европейской философии, теоретической социологии и истории, оно стремится выявить социальные силы, которые революционизируют или должны революционизировать общество, и, в соответствии с прометеевской или фаустовской традицией, рассматривает науку как средство изменить мир.

Экстраполируя существующие в обоих направлениях тенденции, автор выводил два возможных варианта предвидимого реального образа человека 2000 г. Первый предстает как полностью детерминированный (наподобие неодушевленного предмета) продукт взаимодействия внешних и внутренних сил. Это «рациональный», интегрированный, отчужденный и аполитичный человек, стремящийся лишь к безопасности и гедонистическим радостям, пассивный, стандартизованный, более или менее «функциональный», более или менее адаптированный винтик «одномерного» общества, не способный осознать глубинные противоречия действительности; человек с раздавленным «Я», регрессировавший под воздействием социальных структур (в частности, системы образования) от генитальной стадии к анальной¹⁶; в конечном счете — «мёртвый» человек, как заявляли некоторые структуралисты¹⁷.

Второй образ, предлагаемый «прометеевской» наукой, — это свободный, автономный, политически сознательный человек, творец, новатор и революционер, активно борющийся за построение лучшего общества и способный сопротивляться манипулированию (как политическому, так и коммерческому); «иррациональный» человек, или, во

всяком случае, умеющий найти рациональность в том, что общество или социология отвергают в качестве «иррационального», надеющийся и, следовательно, «живой» человек.

Реализация любого из этих крайних вариантов, как можно утверждать, оказалась маловероятной; их значение в том, что они очерчивают «границы образа». Считая, что в каждом содержится «часть истины», М. Боль де Баль, однако, признавал, что чаша весов склоняется скорее в пользу первого, «функционального» образа. Он ссылается, в частности, на растущую роль «техноструктуры», развитие «техники регулирования», усиливающуюся интеграцию трудящихся, увеличивающееся влияние социокультурных институтов и т.д. С другой стороны, сам факт укрепления интегрированного, «одномерного» общества усугубляет заключенные в нем скрытые противоречия; кроме того, по мере удовлетворения первичных (экономических) и вторичных (социальных) потребностей возникают новые потребности культурного порядка, а с повышением уровня образования и квалификации увеличивается значение преподавателей и учёных, являющихся «традиционным ферментом социальной критики»¹⁸.

Всё это позволяет предположить возможность «двойной эволюции, которая будет происходить, — как считал бельгийский философ, — в двух, одновременно противоположных и дополняющих друг друга направлениях: эволюция в сфере ценностей — усиление протеста (против одномерности), гуманизма (против техницизма), личной автономии (против социализации и взаимозависимости) и эволюция в сфере реальности — усиление интеграции, одномерности, техницизма и социализации»¹⁹.

Чтобы определить образ-проект и его структуры (второй этап исследования), нужно, стало быть, свести воедино, сблизить «жизненный идеал и реальную жизнь»²⁰. М. Боль де Баль подчеркивал, что именно разрыв между ценностями и действительностью является основной причиной глубокого разочарования, переживаемого современным обществом и получившего название «конца, или заката

¹⁵ Ibid. P. 240.

¹⁶ Mendel G. La revolt.e contre le pere. Paris, 1963.

¹⁷ Poucault M. Les mots et les choses. Paris, 1966.

¹⁸ Bolle de Bal M. L. Europeen de l'an 2000: d'une image ideale a un projet socio-culturel. — In: L'Europe en Pan 2000. Paris, 1972. P. 242.

¹⁹ Ibid. P. 242.

²⁰ Ibid.

идеологий». Все предложенные до сих пор идеальные образы оказались в трагическом противоречии с практикой: человек «не от мира сего» создал инквизицию; рационалистический — концлагеря; человек науки — атомную бомбу и т.д. Но прежде чем призывать к сближению идеалов и действительности, необходимо уточнить, на какой основе? Что возьмет верх: ценности или реальность? Ответ зависит от эпистемологических установок исследователя, от того, считает ли он человека только продуктом общества или же признает за ним также роль творца общества.

Рассматривая обе гипотезы, Боль де Баль намечал круг проблем, связанных с каждой из них.

1. Человек — продукт общества. Бельгийский философ исходил из того, что к 2000 г. в Европе установится, скорее всего, социал-технократическое общество, отличающееся тесной взаимозависимостью индивидов и организаций. Это значит, что человек будет «включен» в сложную сеть производственно-технических и социальных отношений, которая опутает его по рукам и ногам и одновременно явится средством связи с миром. «Человек сети» (этот термин, введенный Ван Лиером²¹, по мнению М. Боль де Баля, наиболее адекватно передает сущность данного человеческого типа, получившего также название «массового человека», «стандартного», «организационного», «внешнеориентированного» и т.д.) попытается сбросить этот двойной гнет, порожденный принудительной (бюрократической) социализацией и «кибернетизацией». Перед ним встанет, во-первых, проблема утверждения индивидуалистических ценностей и автономной реализации личности в рамках общества, располагающего внушительными средствами для навязывания коллективных ценностей и норм, отражающих требования экономического развития, производительности и т.д.; во-вторых, — проблема «человеческой ценности труда» и творческого участия в той мере, в какой это допускают рамки сети.

Серьезные проблемы, считал автор, возникнут в связи с тем, что общество 2000 г. будет обществом «перманентных изменений», иными словами, человеку предстоит преодолеть чувство тревоги (*l'angoisse*), неизбежно порождаемое неустойчивостью бытия, бешеным ритмом перемен, постоянным расставанием с прошлым и т.д. Однако основную опасность Боль де Баль видит в социаль-

ном манипулировании, которому «человек сети» вряд ли в состоянии противостоять. Теоретически признаваемая «культура выбора» практически может выродиться в свою противоположность, стать «культурой участия в построении одномерного общества, т.е. одномерной культурой»²². Допуская возможность подобного поворота, бельгийский философ вместе с тем напоминал о неискоренимой и неукротимой способности человека сопротивляться насилию, о которой свидетельствуют многочисленные примеры из истории концлагерей. Он возлагал надежды на неумирающие традиции европейской диалектической культуры, которая, «возможно, выработает оружие, необходимое для противодействия давлению одномерности»²³, и поможет человеку преодолеть отчуждение, используя в качестве «фермента» освободительные возможности, заложенные в противоречиях.

2. Человек — творец общества. Только эта гипотеза придает смысл футурологическим проектам. Зачем прогнозировать будущее, если человек не способен воздействовать на него?

Чтобы определить структуры образа-проекта, необходимо рассмотреть два аспекта проблемы: во-первых, какими качествами должен обладать человек, чтобы надлежащим образом строить общество? Во-вторых, каким должно быть общество, соответствующее требованиям 2000 г.?

Все социально-политические теории можно схематично свести к трем группам, в зависимости от концепции человека, лежащей в их основе. Пессимистическая концепция (в качестве наиболее типичного примера М. Боль де Баль ссылался на Н. Маккиавели) исходит из того, что человек — эгоистичное, лицемерное, жадное до успеха, непостоянное и инфантильное существо, не способное достичь духовной и политической зрелости.

В социально-политической практике эта концепция ведёт к эксплуатации человека человеком и к построению репрессивных общественных систем, где «постулированный эгоизм создается или укрепляется экономическими и политическими структурами, основанными на недоверии»²⁴. Однако патернализм провоцирует бунт против авто-

²¹ Van Lier H. Le nouvel age. Tournai, 1964.

²² Bolle de Bal M. L. Europeen de l'an 2000: d'une image ideale a un projet socio-culturel. — In: L'Europe en Pan 2000. Paris, 1972. P. 246.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid. P. 248.

ритарного Отца, диктатура рано или поздно обнаруживает свое бессилие, превращая человека из покорной овцы в мятежника и революционера.

Оптимистическая концепция включает множество модификаций — от естественного человека Ж.-Ж. Руссо, доброго и разумного по природе, но испорченного скверным обществом, до «героев социалистического реализма и благородного шерифа американских вестернов». Эта концепция тоже не выдерживает столкновения с жизнью. (Боль де Баль ссылался, в частности, на Кальвина и Робеспьера.) Крушение этой концепции имеет куда более опасные последствия, чем крах первой. Приверженцы постулированного альтруизма, убедившись в его несостоятельности, «прибегают к особенно жестоким репрессиям, потому что обманулись и чувствуют себя обманутыми». Таким образом, отталкиваясь от прямо противоположных посылок, обе эти концепции приводят в конечном счете к «сходным результатам: отчуждение и репрессии, разочарование и политическая апатия, разрыв между ценностями и действительностью»²⁵. И та и другая порождают общественные системы, не выдерживающие длительного испытания временем.

Третья, более сложная концепция восходит к Монтескье. Человек Ш. Монтескье — «не ангел и не зверь» (по слову Б. Паскаля), он способен на великие дела, и подвержен слабостям, и «нуждается одновременно в порядке и в свободе»²⁶. Отвергая как якобинский, так и авторитарный режимы и относясь с опаской к любым политическим системам, представляющим правителю или правителям слишком большую власть (потому что «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно»), эта концепция «стремится преодолеть противоречия пессимистического консерватизма и революционного утопизма»²⁷.

Боль де Баль считал, что именно эта концепция наиболее соответствует социокультурным рамкам Европы 2000 г. Во всяком случае, подобная эволюция взглядов, диктуемая уроками европейской истории и подкреплённая закатом традиционных идеологий, позволит избежать слишком явного разрыва между ценностями и реальностью 2000 г.

Беря за основу проектируемого образа «человека Ш. Монтескье», философ особо выделял два главных качества, которыми должен обладать человек будущего: это «творческое воображение (т.е. способность выразить свой творческий потенциал) и политическое сознание в самом широком значении слова (т.е. воля к определению целей своих индивидуальных и коллективных проектов, к контролю над процессом коллективного принятия решений)»²⁸. Первым необходимым условием развития этих качеств М. Боль де Баль считал прогресс «диалектико-активистской» социологии и «прометеевской» науки, которые призваны подготовить человека к активному участию в строительстве общества, «осветив механизмы принятия решений, перехода от мнений к поведению, от мысли к действию»²⁹.

Бельгийский философ указывал на два вероятных конфликта, которые возникнут перед человеком прометеевского типа и которые, по сути, отражают внутренние противоречия, присущие данному образу. Это, во-первых, конфликт с кибернетикой и кибернетиками. Последние, по мнению Боль де Баля, явятся наиболее характерным воплощением прометеевского человека 2000 г. Однако он предполагал, что эти специалисты логического синтеза и рациональных решений не захотят примириться с «медлительностью, непоследовательностью и сентиментальностью демократических процедур» и попытаются противопоставить им более «логичную» и «эффективную» систему — «индивидуальный и коллективный авторитаризм», который представляется ему достаточно вероятным вариантом «прометеевского» решения»³⁰.

С другой стороны, конструктивно-созидательные устремления человека будущего натолкнутся на сопротивление «антикибернетиков» (современным прототипом которых являются хиппи). Боль де Баль видел в молодёжно-студенческих волнениях важный симптом — предвестник «глубокого диалектического движения». Он полагал, что «антикибернетическая тенденция», включающая эскапизм, непротивленчество, отказ от принципа эффективности и производительности, со временем окрепнет и распространится. Человек 2000 г., которому предстоит строить Европу XXI в., будет,

²⁵ Ibid. P. 249.

²⁶ Ibid. P. 248.

²⁷ Ibid. P. 249.

²⁸ Ibid. P. 250.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. P. 251.

считал он, разрываться между двумя противоположными тенденциями: с одной стороны, «авторитарный Прометей, и с другой — Прометей-освободитель... но, возможно, это противоречие как раз и спасет его»³¹, так как не даст впасть в ту или иную опасную крайность.

Исходя из этого, бельгийский философ прогнозировал прогресс структур. По его мнению, экономические структуры Европы 2000 г. будут сочетать «механизмы рынка и планирования, частного и общественного предприятий, чтобы совместить, насколько это возможно, преимущества той и другой формулы: спонтанность и организацию, динамизм и справедливость, индивидуализм и солидарность, частные и общие интересы»³². Что касается социально-политических структур, то автор, не пытаясь предопределить выбор, который сделает человек 2000 г., перечислял ряд моделей, «благоприятствующих развитию индивидуальных и коллективных творческих возможностей»: это «американская модель (неокапиталистическая), шведская (социал-демократическая), югославская (самоуправление), чехословацкая (социализм с человеческим лицом), китайская (перманентная культурная революция)»³³.

Однако в любом случае обязательным условием является полная и всесторонняя информация, которая позволит всем членам общества осуществлять выбор со знанием дела.

В заключительной части статьи «Европеец 2000 г.: идеальный социокультурный проект» автор предлагал свою модель (идеальный образ) европейца 2000 г., выстроенную на основе рассмотренных выше «координат»: 1) общей концепции человека; 2) потребностей личности; 3) требований общества; 4) специфических особенностей европейской культуры.

Отвергая как пессимистическую, так и «слепую» оптимистическую концепции, Боль де Баль утверждал человека «прометеевского» типа, являющегося одновременно творцом и продуктом общества. Он полагал, что основными потребностями личности — импульсами ее поведения в будущем — станут «третичные потребности» культурного порядка: потребность участвовать в строительстве общества, потребность в творчестве, в красоте,

любви, гармонии, свободе и т.д. В соответствии с этим идеальный образ европейца 2000 г. он рисовал как «человека, прогрессирующего в реализации своих культурных потребностей, т.е. совершенствующегося в интеллектуальном плане (квалификация), эстетическом, психологическом (власть над собой), гражданском (политизация) и нравственном (освобождение от табу)»³⁴.

Подобный же сдвиг произойдет в требованиях общества. Хотя его усилия по-прежнему будут направлены на то, чтобы обеспечить экономический и социальный прогресс, в центре внимания окажутся проблемы культурного прогресса. При этом европейская культура, как полагал М. Боль де Баль, сохранит свои основные особенности. Ее интеллектуальной почвой явится «автономное развитие гуманитарных наук «прометеевского» типа, основанное на диалектическом синтезе двух направлений — функционального (которое необходимо для понимания требований культуры и функциональных требований социал-технократического общества) и «активистского» (которое необходимо для строительства европейского общества, верного прошлому и открытого для будущего)»³⁵.

Исходя из этих посылок, он рисовал идеальный образ европейца 2000 г. Это будет творческая личность, человек, «свободный от всех форм обусловленности (degage des conditionnements) — экономической (реклама), политической (пропаганда), религиозной (догмы), моральной (табу), психологической (инстинкты), культурной (предрассудки) — и вместе с тем «ангажированный», т.е. отстаивающий определенные экономические, культурные, политические и философские цели...», сохранивший «критический дух» и «способный к протесту».

Это будет человек, утверждал исследователь, сознающий свои границы и, следовательно, «более широкий», что вовсе не означает — более счастливый, поскольку развитие личности предполагает более высокие устремления, которые труднее удовлетворить. Это будет человек, постоянно находящийся «в процессе преодоления» (en voie de de-passement), становления, самоутверждения — Боль де Баль имеет в виду преодоление внешних и внутренних конфликтов, зависимости от авто-

³¹ Ibid.

³² Ibid. P. 252.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid. P. 255.

³⁵ Ibid.

ритетов «социальных отцов» (Бога, Учёного, Эксперта, Политика), нивелирующего влияния организаций и т.д. Это будет многомерный человек: во-первых, всесторонне развитый и, во-вторых, «утверждающий перед лицом одномерного общества множественность измерений социальной действительности, т.е. законный плюрализм мнений, идей, художественных форм, научных течений, политических решений»³⁶.

Предлагая этот идеальный образ в качестве «модели для действия», бельгийский философ отдавал себе отчет в том, что речь идёт не о вероятном или реальном, а об «утопическом человеке», который несёт на себе печать авторских пристрастий и взглядов. Однако он надеялся, что эта «персональная утопия» может стать основой социокультурного проекта и даже сыграть роль «созидающего предсказания».

Размышляя о том, что на самом деле произошло с европейским человеком, мы видим, что прогноз М. Боль де Баля оказался во многом неточным и малопродуктивным. Он может рассматриваться как классический пример неоправданной экстраполяции исходных данных на будущие десятилетия. Бельгийскому философу грезилось, что европеец начала нового тысячелетия будет креативным человеком, готовым к творчеству во всех сферах социального бытия. Предполагалось, что он будет использовать досуг для развития собственной личности. Так думали в свое время и Томас Мор и Карл Маркс. Они считали, что люди будущего станут тратить время для возвышенной деятельности, для образования, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллекту-

альных сил. Однако потребительское общество оказалось иным. «Общество потребления, — пишет Е. Александрова-Зорина, — как вальтасарово царство, давно исчислено и найдено легким, в нем предоставляется свобода внутри прилавка, свобода манекена за стеклом витрины. «Вместо нищезанского сверхчеловека на сцену вышел «недочеловек» — потребитель, интересный лишь как экономическая единица, планктон, питающий чрево товарно-денежного левиафана. Жизнь таких сводится к гонке потребления, где нужно как можно больше поглотить и потратить»³⁷.

М. Боль де Баль не разглядел ни судьбы белого человека, ни мультикультурализма, ни грозных цивилизационных разломов. «Ни учёные (психологи, социологи), ни моралисты, ни философы не способны создать модель идеального человека, который достоин технического воспроизводства. Однако, допустим, мы знаем, какой человек нам нужен? Нам понятен антропологический идеал, который мы осуществляем? Что тогда? Опять возникают непредвиденные сложности. Такой воплощенный тип не располагал бы свободой. Ведь это мы запрограммировали его, учитывая малейшие детали. Но что такое человек, лишённый свободы? Известно, что Ж. Ростан, который работал с зародышами жабы в 1960 году, сказал: «Я могу теперь изготавливать жабу с двумя головами и пятью лапами, но я не в состоянии смастерить супержабу». Человек, сконструированный генной инженерией, ни в коей мере не супермен. Возможно, генная инженерия способна исправить некоторые дефекты, заполнить лакуны природы, предотвратить психологические или физиологические драмы. Но пусть она остановится на этом.

Список литературы:

1. Александрова-Зорина Елизавета. Ужин на «Титанике». Все сделано, и никто не виноват // Московский комсомолец. 2014. 14 мая.
2. Гуревич П.С. Психоанализ личности. М., 2011.
3. Гуревич П.С. Палеева Н.Н. Философия культуры. М., 2014.
4. Гуревич П.С. Философское толкование культуры. М., 2012.
5. Межуев В.М. История. Цивилизация. Культура. Опыт философского истолкования. СПб., 2011.
6. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008.
7. Bolle de Bal M.L. Europeen de l'an 2000: d'une image ideale a un projet socio-culturel. — In: L'Europe en Pan 2000. Paris, 1972. P. 235–260.

³⁶ Ibid. P. 256–257.

³⁷ Александрова-Зорина Елизавета. Ужин на «Титанике». Все сделано, и никто не виноват // Московский комсомолец. 2014. 14 мая.

References (transliteration):

1. Aleksandrova-Zorina Elizaveta. Uzhin na «Titanike». Vse sdelano, i nikto ne vinovat // Moskovskii komsomolets. 2014. 14 maya.
2. Gurevich P.S. Psikhoanaliz lichnosti. M., 2011.
3. Gurevich P.S. Paleeva N.N. Filosofiya kul'tury. M., 2014.
4. Gurevich P.S. Filosofskoe tolkovanie kul'tury. M., 2012.
5. Mezhuev V.M. Istoriya. Tsivilizatsiya. Kul'tura. Opyt filosofskogo istolkovaniya. SPb., 2011.
6. Khabermas Yu. Raskoloty Zapad. M., 2008.
7. Bolle de Bal M.L. Europeen de l'an 2000: d'une image ideale a un projet socio-culturel. – In: L'Europe en Pan 2000. Paris, 1972. P. 235–260.